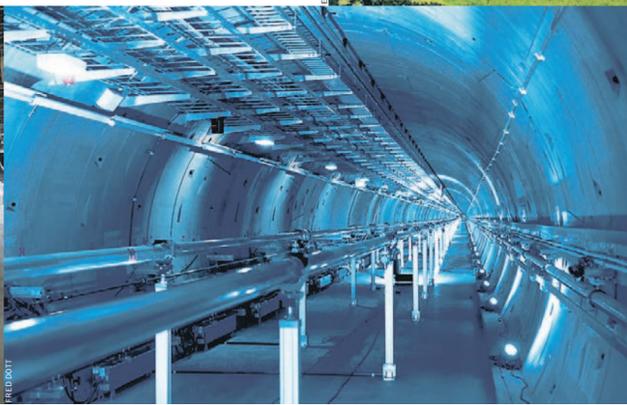
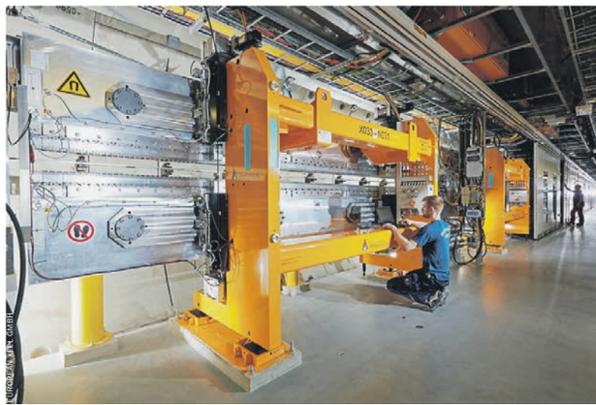

СОБЫТИЕ

Новое кино из жизни молекул

Представители европейских стран торжественно открывают работу рентгеновского лазера в Гамбурге. В центре — министр образования и научных исследований Германии Йоханна Ванка, справа от нее — помощник президента РФ Андрей Фурсенко

Гигантский рентгеновский лазер внутри и снаружи

>> стр. 1

России было предложено войти в проект в качестве привилегированного партнера: это означало, что Германия будет иметь 52%, мы — больше 27%. Остальное — у группы из 11 европейских стран (от 1% до 3% у каждой). Проект оформлен как общество с ограниченной ответственностью. Идея долго разрабатывалась, и наконец мы с моей немецкой коллегой (Андрей Фурсенко — бывший министр образования и науки РФ, — «Д») Аниет Шаван на одной из встреч нашего президента и немецкого канцлера получили и одобрение идеи и поручение над ней работать.

— В какую сумму оценивался проект? — В ценах 2005 года проект стоил €1,2 млрд.
— Что дает России такое серьезное участие в капитале проекта? — Прежде всего мы в совете директоров участвуем в распределении «пучкового времени». Кроме этого все технологии, которые использованы при создании установки, принадлежат в том числе российской стороне. А технологии там уникальные. Часть их разработана нами, часть — нашими коллегами из других стран. Это важно с точки зрения дальнейшего развития таких систем в России.

— Наверное, было бы логично, чтобы такой грандиозный проект открывали президент и канцлер. — Я знаю, что такая возможность рассматривалась. Надеюсь, что они смогут лично ознакомиться с этой установкой. 1 сентября Германию на открытие представляла министр образования и науки профессор Ванка, а Россию — я. Делегации других стран возглавляли главы министерств науки. На открытие также была приглашена очень серьезная российская делегация, в которой были представители крупнейших научных институтов.
— Как будет, на ваш взгляд, дальше развиваться наши с Германией отношения в области высокой науки?

— В Германии нами совместно создается еще одна установка иного назначения, сопоставимая с введенной по затратам. Там, к сожалению, более сложная ситуация. Поскольку сроки затянулись, увеличилась смета, в частности из-за того, что после «Фукусимы» Германия более настороженно стала относиться к ядерным технологиям. Одним словом, с этой установкой сложнее. Сроки ее ввода сдвинулись на 2025 год. От нас требуют перезаключения договора и нового финансирования. Мы же предлагаем, во-первых, создать и утвердить «дорожную карту» этого проекта, а во-вторых, совместно поработать над созданием аналогичных

установок на российской территории. Не так давно во время встречи в Сочи наш президент и канцлер Германии утвердили такой подход. Сейчас во время открытия рентгеновского лазера в Гамбурге мы провели рабочие переговоры по этой теме.
— Как вам кажется, понимает ли мир важность происшедшего несколько дней назад в Гамбурге? — Пожалуй, после запуска Большого адронного коллайдера, начало работы этого рентгеновского лазера — следующее по важности событие. Сделано то, что раньше не удавалось. Открыты пути по очень многим научным направлениям — например, исследования на таком лазере могут

привести к научному взрыву в фармацевтике. А в человеческом смысле на открытии была какая-то необычная для последнего времени, я бы сказал, прорусская дружеская атмосфера. Все говорили о вкладе наших ученых. Радостно было от того, как много на проекте молодежи, что в конце концов, эффективна научная дипломатия. Кстати, об участии российских ученых: накануне открытия в Гамбурге прошел конкурс на первые пять сертификатов, позволяющих поработать на установке. Очень приятно было, что первый из них выиграл совсем молодой ученый из России, представляющий Южный федеральный университет.

ДИСКУССИЯ

Защитить Запад. Понять Восток

В Европе иногда кажется, будто в Москве предполагают, что НАТО как дееспособный альянс просто больше не существует. Poleмические заметки о реальном состоянии отношений Россия-НАТО — в материале историка Грегора Шельгена.

Грегор Шельген

Противостояние с НАТО идет сегодня на земле и в воздухе

Возможно, в 1991 году Кремлю было бы легче примириться с распадом Советского Союза, если бы на этом все закончилось. Но когда прежде всего США захотели принять в НАТО Грузию с Украиной, это было переходом через красную линию. Причем не только в глазах российского президента Владимира Путина, но и, в частности, Гельмута Коля, Герхарда Шрёдера и Ангелы Меркель — всех федеральных канцлеров Германии, занимавших этот пост с окончания холодной войны.

По всей видимости, Путин не ограничился заявлением протеста и принялся действовать. Военная операция в Грузии — реакция Москвы на провокацию Тбилиси в августе 2008 года — стала результатом эскалации с обеих сторон. Но главное, ее целью, как позднее и в случае с Украиной, было предотвратить переход государств, имеющих колоссальное значение для российской безопасности, под полный или частичный, прямой или косвенный контроль Запада.

То, что НАТО в своем расширении на Восток уже дошло до западных рубежей России и натовские войска уже стояли в 200 км от Санкт-Петербурга, в Кремле вызвало обеспокоенность. Мысль о том, что черноморский порт в Севастополе, арендованный до 2042 года, рано или поздно может оказаться вне российского контроля, казалась невозможной.

Чтобы не допустить такой потери, Кремль был готов воспользоваться любыми средствами, начиная с применения армии и заканчивая нарушением международного права.

Ничто в этом не удивляет, поскольку Владимир Путин после окончания холодной войны действует как и его советские предшественники после окончания обеих мировых войн: пытается любой ценой не допустить, чтобы его страна, существенно ослабленная различными внутренними конфликтами и проблемами, а также колоссальными внешними потерями, стала более уязвимой, чем она уже есть в восприятии многих россиян. И если смотреть так, то последний американский президент Барак Обама, возможно, был прав, когда в конце марта 2014 года провокационно-poleмически назвал Россию «региональ-

ной державой», стратегия которой демонстрирует не силу, а «слабость».

Решающий вклад в такое ослабление Америка внесла еще в декабре 2001 года, когда предшественник Обамы Джордж Буш-младший в одностороннем порядке вышел из советско-американского договора по ПРО, тем самым «изъяв из обра-

Будь эти санкции (американские. — «Д») предупредительным выстрелом по курсу следования российского корабля, их пришлось бы признать бессмысленными

щения» ядерную логику холодной войны. Даже если такой шаг и последующее размещение американских систем ПРО в том числе в бывших странах ОВД не были направлены прежде всего против России, никого не удивило, что в Москве они были расценены как угроза для российской возможности нанести удар возмездия и рассматривались в непосредственной связи с расширением Североатлантического альянса до границ РФ.

Конечно, НАТО должно пристально следить за реакцией Кремля на эти шаги, например, в Прибалтике. Осенние армейские учения РФ, в которых в этом году примут участие 100 тыс. военнослужащих (по данным Минобороны РФ — 13 тыс. — «Д»), а также ультрасовременные соединения, представляющие потенциальную угрозу для балтийских государств, которой Североатлантический союз в короткой перспективе ничего противопоставить не сможет.

Может быть, в Москве полагают, что Запада как сообщества, объединенного общими ценностями, как дееспособного альянса больше не существует? Поводы для такого восприятия есть. После того как с прекращением существования Советского Союза и роспуском ОВД внешняя угроза, способствовавшая внутренней консолидации альянса НАТО, осталась в прошлом, определенных признаков дезинтеграции невозможно не замечать.

Свое дело сделала и российская, а также европейская политика Вашингтона. Причем это относится не только к Дональду Трампу, избравшему своим девизом принцип America First («Америка в первую очередь»), которым, к слову, после 1945 года руководствовались все президенты США. Конгресс со своим односторонним ужесточением политики антироссийских санкций тоже вбивает клинья в сообщество Запада, и прежде всего в Европейский союз. Декларируя намерение воспрепятствовать строительству «Северного потока 2», который после ввода в эксплуатацию второй нитки в 2019 году ежегодно должен доставлять в Европу 110 млрд куб. м российского природного газа с просторов Сибири, Палата представителей и Конгресс играют на руку тем силам внутри ЕС, которые, как, например, Польша или балтийские государства, пытаются мобилизовать противников газового проекта. А ведь ЕС имел серьезные основания, чтобы уже на раннем этапе рассматривать трубопровод как часть трансевропейской энергосети и «проект, представляющий интерес для всей Европы».

Американцы отдадут себе отчет в том, что делают. Их новая санкционная политика не в последнюю очередь призвана зарезервировать возможности для их собственного бизнеса с Европой. Будь эти санкции предупредительным выстрелом по

курсу следования российского корабля, их пришлось бы признать бессмысленными. Путин не авантюрист. Он понимает, что непосредственная военная конфронтация с Западом сопряжена с колоссальными рисками. А также, в частности, что найти замену такому торговому партнеру, как ЕС, невозможно.

Чем агрессивнее и успешнее действует ситуация во многих сырьевых регионах мира, тем важнее для Европы российские поставки газа и нефти, которые, впрочем, не должны достигать объемов, при которых страны-потребители впадают в одностороннюю зависимость и оказываются уязвимыми для шантажа.

Верно, Россия, а ранее Советский Союз с момента так называемой сделки «газ-трубы» в 1960-х годах ни разу не нарушали договорных обязательств. Но будет ли так продолжаться вечно? То, что недавно Кремль смонтировал в Крыму четыре произведенные концерном Siemens совместно с российским партнером газовые турбины не только в обход санкций (в том числе немецких), но и в нарушение противоположных обязательств, наводит на размышления.

Какие бы выводы из этого ни следовали, они не должны привести к существенному свертыванию или тем более разрыву сотрудничества между Россией и Европой. Ведь альтернативы такому сотрудничеству не существует — как для России, так и для самой Европы.

Грегор Шельген преподает новейшую историю в Эрлангенском университете имени Фридриха и Александра. Его новая книга «Война. Сто лет мировой истории» выйдет в издательстве DVA в начале октября.